

ПРЕДСТОИТ ЛИ НАМ БИТВА за ценности?

Ждали, что саммит «Большой двадцатки», встреча Владимира Путина с Дональдом Трампом прояснят для России внешнеполитическую картину. Но вопросов больше, чем ответов

Меркель – лицо европейского проекта

Вопросов не вызывает только фигура Ангелы Меркель. Она константна. Германия продолжает неформально возглавлять Евросоюз и выстраивает здание грядущей Европы. Четвертого рейха? Будущий Евросоюз – это постсовременная организация, построенная на принципах, которые еще лет двадцать назад казались невыносимыми. В Европе, какой ее делает современный либеральный проект, исчезают все традиционные европейские ценности – религиозные, патриотические, национальные, семейные. Их заменяет новая ценность, вы-

Светлана Владимировна Лурье – доктор культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, культуролог, этнопсихолог, политолог

ражающаяся в полной терпимости к «многообразию», какие бы извращенные формы оно ни принимало, то есть политкорректность. Набор идей, на которых строится грядущая Европа, конечно, не является комплексом национальных ценностей Германии – как и любой другой отдельно взятой европейской страны, – но Германия основывает на нем свое нарастающее могущество. И незадолго до саммита «двадцатки» она предприняла еще один шаг к тому, чтобы воплотить в себе «новые ценности»: были полностью узаконены, приравнены в правах к традиционным бракам браки гомосексуальные. Хотя блок партий Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз (ХДС/ХСС) составляет большинство в правящей

коалиции в Бундестаге и традиционно выступал против признания однополых браков, да и сама Меркель голосовала против этого, но именно она практически обеспечила прохождение законопроекта. Так, Меркель, возглавляющая ХДС, объявила, что выступает за то, чтобы все депутаты принимали решение самостоятельно, «по зову совести», а не руководствуясь общепартийной позицией. К тому же Меркель высказывается за усыновление детей однополыми парами. Меркель, желая того или нет, играет роль проводника политики единой и толерантной – а по сути механистической и бездушной – Европы.

Аналогичный проект существует и для Америки.

Признание поступательного воплощения либерального проекта – аксиома наших рассуждений. Она поможет нам распознать те веяния, которые наблюдаются в мире этим летом.

Шаги Меркель становятся в этом свете ясными. Германия пытается взять под свое политическое крыло Францию, выполняя роль старшего в германо-французском союзе. Пытается как бы от лица Европы – как правило, в качестве члена «Нормандской четверки» – вести переговоры с Россией об Украине, поощряя дальнейшее усиление антироссийских санкций. А потому отношения у России с Германией столь же прямолинейны и откровенны – тут все карты открыты, – сколь холодны и сдержанны. В начале мая встреча Ангелы Меркель и Владимира Путина прошла как откровенный обмен мнениями и констатация их несовпадения – без резонерства и обращения к морали, сухо и конкретно.

Правда, какие-то подвижки в германо-российских отношениях могут произойти. В середине июля министр иностранных дел Германии Зигмар Габриэль заявил, что Евросоюз должен пересмотреть свою позицию относительно санкций против России и начать отменять их, не дожидаясь полного выполнения Минских соглашений, которые, как он полагает, до конца невыполнимы. Возможно, вокруг Украины начинается какая-то новая игра. Мо-

Филипп Фейт. Аллегорическая фигура Германии

Набор идей, на которых строится грядущая Европа, конечно, не является комплексом национальных ценностей Германии – как и любой другой отдельно взятой европейской страны, – но Германия основывает на нем свое нарастающее могущество

жет быть, связанная с активизацией Америки в урегулировании ситуации в Донбассе?

Либеральный проект – словно лакмусовая бумажка. Для многих в мире он неприемлем, а они, в свою очередь, неприемлемы для Германии, ведь она строит свою империю на основе европейского проекта.

Так, когда-то очень преданная Америке, Ангела Меркель от Америки Дональда Трампа фактически отрекалась. После провальной встречи «Большой семерки» в Сицилии в конце мая она высказалась в том духе, что Европа должна отныне рассчитывать только на свои силы и не рассчитывать на Америку. Сложная си- ➔

→ туация для Меркель, которая при-
выкла подчинять свои интересы
интересам трансатлантического
сообщества. Но неприятие ею
Трампа, который не
вписывается в мо-
дель либерального
лидера, требует по-
жертвовать важной
для нее составляю-
щей европейской
политики и дистан-
цироваться от Аме-
рики. А министр
иностраннх дел
Германии Габриэль
заявил, что «тот, кто
не будет противо-
действовать полити-
ке США, станет со-
участником» этой
политики. Более
того, по Габриэлю,
«США более не яв-
ляются лидером Запада». К Трам-
пу Меркель подчеркнуто холодна,
он к ней тоже. Можно сказать, что
сегодня они антиподы.

Является ли Макрон альтернативой Европе Меркель?

Могло показаться, что такими
же будут отношения Дональда
Трампа с другим европейским
лидером – Эммануэлем Макро-
ном. Действительно, в первое вре-
мя он позиционировал себя как че-
ловек, всецело преданный идее Ев-
росоюза в стиле Меркель. Начал
он свое президентство с проявле-
ния безусловной лояльности Гер-
мании – сразу после своего избра-
ния отправился на прием к Мер-
кель. Более того, он тут же пред-

**Макрон как будто поладил
с Трампом. В частности, как
раз по координации политики
в Сирии они достигли
согласия. Оба они отныне
полагают, что целью Запада
не является свержения
Башара Асада**

ложил Меркель свою программу
реформ Евросоюза и, в частности,
введение отдельного бюджета ев-
розоны и создание поста мини-

**Германия пытается как бы от
лица Европы – как правило,
в качестве члена
«Нормандской четверки» –
вести переговоры с Россией
об Украине, поощряя даль-
нейшее усиление антироссий-
ских санкций. А потому отно-
шения у России с Германией
столь же прямолинейны
и откровенны – тут все карты
открыты, – сколь холодны
и сдержанны**

стра финансов еврозоны. И полу-
чил одобрение своей старшей не-
мецкой коллеги.

Он также позиционировал себя
как некий анти-Трамп. Когда
Трамп вывел Америку из Париж-
ского соглашения по климату,
Макрон провозгла-
сил свой глобалист-
ский лозунг «Сдела-
ем нашу планету сно-
ва великой», обыг-
рывая тем самым
предвыборный сло-
ган Трампа «Сдела-
ем Америку снова ве-
ликой».

Однако впослед-
ствии Макрон пере-
стал казаться столь
однозначной фигу-
рой. Он, конечно, за
либеральный и толе-
рантный Евросоюз,
но он и за усиление
роли Франции как на-
ционального госу-
дарства. Некоторые эксперты
прочат ему роль нового Шарля де
Голля, хотя это и явное преувели-
чение. Отношения макронов-
ской Франции с Германией по
теме Евросоюза не так безоблач-
ны, как кажутся. Экономический
дисбаланс между странами евро-
зоны продолжает усиливаться, и
Германия получает выгоду от
этого, что является неправиль-
ным, как заявил Макрон. В на-
стоящее время, сказал он с не-
одобрением, «страны ЕС, у кото-
рых уже есть долг, набирают еще
больше обязательств, в то время
как конкурентоспособные госу-
дарства лишь укрепляют свои по-
зиции».

Что касается Америки, то Мак-
рон подчеркивает несовпадение

европейских и американских ценностей. «США любят свободу так же, как и мы, но у них нет такой же любви к справедливости. Европа – единственное место в мире, где личные свободы, дух демократии и социальная справедливость так тесно переплетены», – говорит Макрон. Может быть, поэтому он собирается порвать с внешней политикой своих предшественников – Николя Саркози и Франсуа Олланда, – заявляя, что «со мной настанет конец форме неоконсерватизма, ко-

торую импортирует Франция уже 10 лет. Демократия не привносится извне без участия народа. Франция не принимала участия в войне в Ираке и была права. Но она

Макрон, конечно, за либеральный и толерантный Евросоюз, но он и за усиление роли Франции как национального государства. Некоторые эксперты прочат ему роль нового Шарля де Голля, хотя это и явное преувеличение

ошиблась в войне в Ливии. Каковы же результаты этих двух интервенций? Разрушенные государства, на территории которых процветают террористические группы. Я →

На чем строится диалог Трампа с Макроном? На попытке первого разрушить европейский проект как всеобъемлющий, на стремлении говорить с каждой европейской страной в отдельности, апеллируя к ее индивидуальности, а не с Евросоюзом в целом

→ не хочу, чтобы это повторилось в Сирии».

И Макрон как будто поладил с Трампом. В частности, как раз по координатам политики в Сирии они достигли согласия. Оба они отныне полагают, что целью Запада не является свержения Башара Асада.

Политолог Кирилл Бенедиктов высказывает мнение, что «встреча Трампа и Макрона в Париже прошла не просто в теплой, дружественной обстановке – она фактически ознаменовала собой рождение нового вектора внешней политики Вашингтона, направленного не столько на Европу, сколько непосредственно на Францию и, более

того, лично на ее президента»: в отношениях с новым французским лидером Трамп «станет вести себя как старший друг, убеленный сединами наставник». В этой игре президент Франции «неизбежно должен попасться на крючок оказанного ему высокого доверия – все же видят, что Трамп благоволит ему, встречается с ним чаще, чем с любым другим главой государства, крепко жмет руку и дружелюбно похлопывает по плечу». Это усилит соперничество честолюбивого Макрона с Меркель и может привести ко всё большему выявлению противоречий между ними. Не исключено, что со временем у Макрона может появиться свой план дальнейшего построения Евросоюза, конкурирующий с германским проектом. Но вряд ли он принесет в либеральный европейский проект существенные изменения. Кардинальных изменений надо ждать не отсюда.

С президентом России Макрон держится холодно: «Я уважаю Путина. Мы провели конструктивную беседу. Мы во многом не согласны друг с другом, в частности, в вопросе Украины, и он знает мою позицию». И тут нечего ожидать прорыва. Возможно, Макрон и представляет собой некую европейскую альтернати-

С Европой европейского проекта у России антагонизм, поскольку это антихристианская, по сути антихристовая Европа...

ву, отличную от Меркель, но это не та альтернатива, с которой для России возможна непосредственная коммуникация: просто потому, что с ней нет пересечений. С ней у России – так же, как и с альтернативой Меркель, – не получится продуктивного диалога. Возможно, в дальнейшем курс Макрона будет корректироваться – не исключено, что даже в нашу пользу, как сейчас по поводу Сирии, – но вряд ли дело дойдет до непосредственных живых отношений, совместной политики. Не только потому, что Макрон настроен, например, на поддержку Украины, что показывает пресловутая, разрекламированная Петром Порошенко «формула Макрона». Но главным образом потому, что с ним отсутствуют ценностные пересечения. России с Францией Макрона неинтересно – Макрону неинтересно с Россией Путина. Да, он проявляет живые реакции, когда речь идет о национальном величии Франции, но его понимание

этого величия недалеко отходит от проекта либеральной Европы с ее толерантностью, такого панъевропейского проекта. Диалог был возможен с конкуренткой Макрона на президентских выборах – Марин Ле Пен, – поскольку она представляла альтернативную модель Франции и Европы, с которой у России масса точек пересечения. Это проект возвращения к европейскому многообразию – ценному России – вместо нивелирующей политики Евросоюза.

А не так же ли смотрит на проблему со своей стороны и Трамп? На чем строится диалог Трампа с Макроном? На попытке первого разрушить европейский проект как всеобъемлющий, на стремлении говорить с каждой европейской страной в отдельности, апеллируя к ее индивидуальности, а не с Евросоюзом в целом. О таком подходе еще весной заявил стратегический советник Трампа Стивен Бэннон. Можно усмотреть в этом

ценностей – западных ценностей, связанных с христианством, индивидуальной свободой, семьей, – и защите европейской идентичности, основанной на этих ценностях. Это был вызов европейским и американским либералам. Либеральные СМИ тут же обвинили Трампа в «презрении к западным ценностям» – в их понимании, – в том, что он будто бы «превратил свой президентский срок в Белом доме в демонстрацию презрения к западному миру». Заговорили и о том, что «в течение всего нескольких месяцев Трамп развалил политический и экономический мировой порядок, в котором США занимали центральную

...с теми, кто противостоит такой Европе, – антагонизм, поскольку это культуры, возвращенные в противопоставлении себя русскому, православному началу

старое: разделяй и властвуй. Но последние события показывают, что за таким подходом стоит и идейное основание. Либеральный европейский проект для Трампа кажется неприемлемым. Он выступает за иные ценности.

Варшавская речь Трампа о ценностях

За какие именно ценности – это показал предшествовавший саммиту «двадцатки» визит Трампа в Польшу. Свою речь там Трамп почти всецело посвятил проблеме

роль», – то есть глобальный либеральный порядок, который культивировала администрация Барака Обамы. Особенно разозлило либералов то, что в своей польской речи Трамп десять раз употребил слово «Бог», то есть вспомнил Того, о Ком в современном постхристианском мире вспоминать больше чем не принято, наказуемо. Вот, к примеру, комментарий CNN: «Выступая перед еще более белой, чем в Мичигане, аудиторией в Польше, Трамп рассчитывал на то, что всё еще остающиеся в большинстве польские католики примут его отворачи- ➔»

Свою речь в Польше Трамп почти всецело посвятил проблеме ценностей – западных ценностей, связанных с христианством, индивидуальной свободой, семьей, – и защите европейской идентичности, основанной на этих ценностях. Это был вызов европейским и американским либералам

→ тельную риторику». И слова Трампа стали гимном настоящему традиционному европейцу: «Мы сочиняем симфонии. Мы продвигаем инновации. Мы чествуем наших героев прошлого, заявляем о приверженности нашим бессмертным традициям и обычаям, а также следуем к новым и новым границам неизведанного. Мы аплодируем прекрасному и ценим все вдохновляющие шедевры, славящие Бога». Как пишет политолог Дмитрий Дробницкий, «либеральные медиа не могли оставить такое “безобразии” без ответа. Два выражения – “мы сочиняем симфонии” и “мы славим Бога” – были на

разные лады осмеяны и раскритикованы в ведущих мейнстримных изданиях Америки и Европы. Ну и правда, неужели “этот случайный президент” не понимает, что слова “семья”, “ценности” и “Бог” произносить неприлично?» А в Польше тем временем католики «выступают с критикой современных культурных процессов, которые сознательно отдаляют жителей Европы от восприятия Старого континента как носителя духовности». Многие в Польше высказываются решительно против популяризации права на эвтаназию, продвижения права женщин на убийство своих нерожденных детей, сомнения в восприятии брака как союза между мужчиной и женщиной, содействия гендерной идеологии. Верующих призывают молиться «об обращении Европы, дабы она обрела мужество вернуться к своим христианским корням».

Россия просто должна была откликнуться на эту польскую речь Трампа. Но не откликнулась, потому что в речи Трампа прозвучали призывы к России прекратить дестабилизировать Украину и поддерживать враждебные режимы Сирии и Ирана, а

также заявление, что Польша и США вместе борются с «дестабилизирующим поведением» Москвы. Россия была обозначена как

Некое подобие концепции российско-американских отношений попытался придумать госсекретарь Рекс Тиллерсон (на фото). Она проста: в обмен на улучшение отношений Америки с Россией от последней потребуется не «проявлять агрессии» к Америке, взаимодействовать по принципиальным мировым вопросам и добиваться «стратегической стабильности»

одна из тех, от кого Европу надо защищать.

Вот так и получается: с Европой европейского проекта у России антагонизм, поскольку это антихристианская, по сути антихристианская Европа, при этом с теми, кто противостоит такой Европе, – антагонизм, поскольку это культуры, возвращенные в противопоставлении себя русскому, православному началу. Но в последнем случае как раз Америка Трампа и может в политике объединить Россию и христианские силы Ев-

ропы, точнее, стать выразителем этих ценностей, разделяемых как христианским Востоком, так и христианским Западом. Поляков

с русскими не примиришь – вон они взялись уничтожать советские памятники, всё, что напоминает о России. Но перед лицом глобального либерального европейского проекта нам есть о чем говорить, в чем объединить свои усилия!

И России не только выгодно, но и правильно было бы поддерживать ценностный раскол в Евросоюзе. Тем более, что он реально уже назревает. Так, той же Польше из-за ее «отступления от демократии» (судебную реформу – неправильную с точки зрения ЕС), поли-

тики по беженцам Еврокомиссия грозит санкциями и лишением права голоса в Совете Евросоюза. Польша осмеливается говорить и о том, что «не пустит Украину в Европу», если там будет продолжаться прославление Бандеры, – в остальной Европе закрывают глаза на оголтелый украинский национализм то ли из прагматизма, то ли из политкорректности. Официальная Варшава для Европы – это «больной ребенок ЕС», за силе национализма, гомофобии, изоляционизма, мракобесия и антиевропейской фронды: по мнению европейских либералов, в Польше вообще забыли, что живут в XXI веке.

По официальному сообщению, Путин принял к сведению польскую речь Трампа. Это было воспринято как то, что Кремль учтет антироссийские выпады американского президента и будет строить свой диалог с ним, исходя из его антироссийской позиции. Раздались советы Путину и вовсе отказаться от встречи с Трампом. Но, вероятно, Путин принял к сведению не только прозвучавшие два антироссийские фразы, которые не явились новыми для западного лидера, но и то

действительно новое, конструктивное, что в ней содержалось и было многократно повторено.

И вот Путин и Трамп встретились. Что было на встрече, о чем договорились или не договорились лидеры – аналитики спорят. Но все сходится в том, что прежде, чем судить, надо несколько месяцев обождать. Так ли? То, что договоренности достигнуты, это уже почти ясно. Но вот чем они обернутся? Ответ на этот вопрос связан со многими вопросами. С таким, как характер Трампа-политика, – насколько он импульсивен или последователен? Как те или иные аспекты его отношений с Россией связаны с его политической программой и в чем конкретно последняя состоит? Какие в действительности ценности в ней заложены и как они соотносятся с представлением России о своей внешнеполитической миссии.

Ответы нужно искать в свете всё той же варшавской речи Трампа, а именно: была ли она произнесена с целью понравиться Польше или отражала ценностную программу президента? В первом случае отношения между Россией и Америкой будут развиваться в русле избегания друг друга, во втором – в русле взаимодействия.

Начнем с первого варианта.

Путин–Трамп.

Вариант первый: избегание

Еще в июне некое подобие концепции российско-американских отношений попытался придумать госсекретарь Рекс Тиллерсон. Она проста: в обмен на улучшение отношений Америки с Россией от последней потребуется не «проявлять агрессии» к Америке (то есть не действовать вопреки ей), взаимодействовать по принципиальным мировым вопросам (помогать Америке) и добиваться «стратегической стабильности» (сокращать вооружения). Трудно представить, чтобы эта повестка вот так с ходу показалась бы России соблазнительной.

Сейчас Россия ведет без оглядки на кого-либо свою линию – так, как считает правильным. Поддерживает тех, кого хочет поддерживать, не ставя себя в зависимость от того, кто друг Америке,

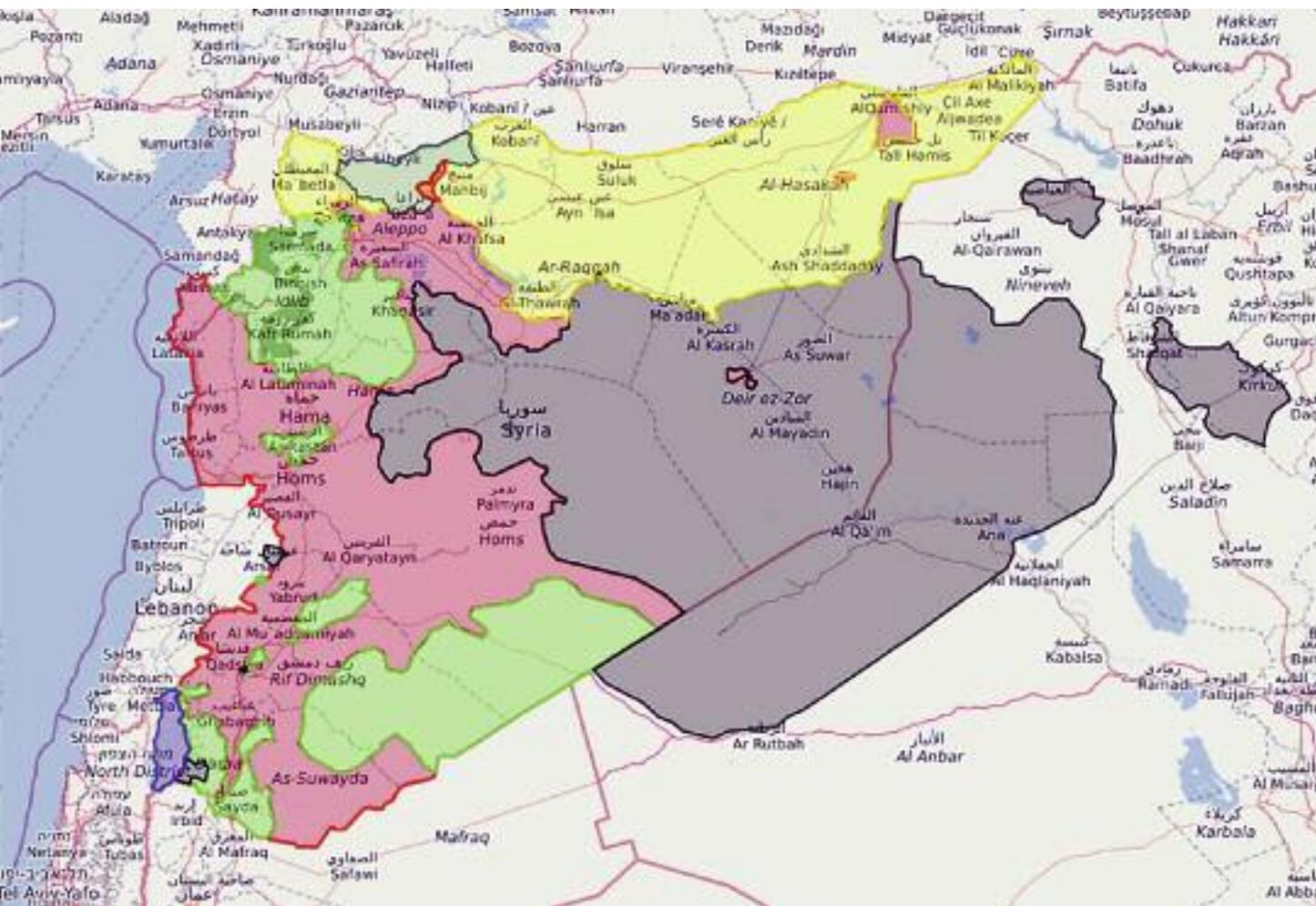
Трамп, по сути, изоляционист, который, похоже, хочет, чтобы активность Америки на внешней арене была сведена к минимуму, а держава занималась бы собственным развитием, оказывая влияние на мир не жандармской ролью, не внешним навязыванием своих ценностей, а своим очевидным для всех могуществом и величием

а кто не очень. Даже наоборот – больше стремится уделять внимание тем, кто конфликтует с Америкой. Даже талибам, не говоря уже об Асаде, который в российских глазах полностью легитимен. Без Америки с Ираном и Турцией устанавливает в Сирии свой порядок, определяя, кто какие зоны будет контролировать. (Америке три союзницы выделили тоже подконтрольную зону – окрестности Дераа, – из чувства справедливости, что ли?) Россия, конечно, не против с Америкой взаимодействовать, но со своих позиций. Хлебнув свободы и реализуя себя на внешнеполитической арене, Москве неинтересно ограничивать себя помощью Вашингтону. Да и вопрос о стратегическом разоружении не является для России бесспорным. За что же она должна идти на уступки Америке? Поэтому в ответ на условия со стороны Америки Рос-

сия по логике имеет право выставить свои условия. Но интересно ли будет обеим державам вести «обусловленную» политику и приемлемо ли для каждой из них ограничивать себя ради требований другой? А значит, остается терпеть друг друга и стараться не наступать друг другу на больные мозоли.

Никакой такой идеи, которая легла бы в основу совместной политики двух держав, в арсенале России не проглядывается. Она занята собственным становлением, сосредоточена на себе.

А Америка? Действия Трампа по отношению к России были и остаются хаотичными – не только в результате оказываемого на него давления, но и сами по себе. Однако предвыборная кампания Трампа показала, что, как минимум, одна внешнеполитическая концепция у него есть. Как казалось до недавнего времени, она →

- Правительственные и проправительственные силы
 - Повстанцы
 - Хайат Тахрир аш-Шам
- Исламское государство
 - Курды
 - Голанские высоты, контролируемые Израилем
 - Группы повстанцев и турецкие войска на севере Сирии

Соглашение по Сирии, по всей видимости, включает не только прекращение военных действий, но и разграничение Сирии на зоны безопасности, признание присутствия в Сирии российских войск, в том числе и военной полиции в зонах перемирия, сотрудничество между Россией и США на протяжении всего периода сирийского урегулирования

→ состоит в том, чтобы другие страны как можно меньше мешали Америке жить своей жизнью. В связи с варшавской речью Трампа можно предположить, что какая-то позитивная идея – вряд ли программа – у него может быть, но пока она выражается

только на словах и без привязки к конкретным политическим действиям. Трамп, по сути, изоляционист, который, похоже, хочет, чтобы активность Америки на внешней арене была сведена к минимуму, а держава занималась бы собственным развитием, ока-

зывая влияние на мир не жандармской ролью, не внешним навязыванием своих ценностей, а своим очевидным для всех могуществом и величием. А потому и от России Трамп хочет, чтобы связанные с ней проблемы меньше ему докучали. Легче всего для этого, как он говорит, «поладить» с Путиным. Именно «поладить» – не выстраивать отношения, не сотрудничать, а просто не конфликтовать, не прибавлять себе лишних забот. В этом духе, по сути, выдержаны и предложения Тиллерсона: от России требуется, чтобы она была бесконфликтной, удобной для США, не путалась под ногами, а в остальном делала что ей угодно. (Но окажется ли последнее возможным?)

Россию такая повестка не устраивает. Она еще надеется, что с Трампом возможно будет строить «равноправный диалог». Не исключено, что Трамп и не будет страдать манией величия и стремиться показать свое превосходство, но вот диалога с ним может не получиться. Пока, во всяком случае, ему Россия и диалог с ней по сути безразличны. Вот он встретился с Путиным, отозвался в своем твиттере, что встреча была потрясающей, и... кажется, забыл о ней. Какие-то конкретные договоренности достигнуты, Трамп будет их выполнять или не будет. Но выстраивание содержательных, выходящих за злободневные нужды – а именно, на решение задач по урегулированию тех проблемных ситуаций, которые отвлекают внимание Америки от ее внутренних проблем, то есть Сирии и Украины, – отношений с Россией ему просто неинтересно. Пока неинтересно – а там посмотрим.

Но надо понять, что, возможно, эта установка Трампа для нас оптимальная. Может быть, стоит Трампу порой подыгрывать, не вызывая его хаотичных и неуравновешенных действий и не провоцируя конфликта. И делать то, что для нас необходимо, стараясь поменьше задевать локтями Америку. Трамп – и это его несомненное достоинство – не будет стремиться нас подавить, подчинить себе. Надо просто стараться спускать всё на тормозах. В конце концов, нам нужно от Трампа то же, что ему нужно от нас, – не мешать, дать нам возможность обрести свою собственную миссию и мирно сосуществовать.

С этой точки зрения надо посмотреть на июньские предложения Тиллерсона как на предложения мирно сосуществовать каждому самому по себе, надеяться и ожидать от Америки лишь то, что и она не будет раздувать конфликты, не будет вести себя агрессивно, а станет мирно участвовать в урегулировании мировых проблем, поскольку они ей мешают. Нет, мы не можем смотреть на вещи так же, как Америка Трампа, – нам до всего есть дело. Но надо как-то вести свои дела иначе, ведь мы в мире не единствен-

Трамп решил закрыть программу ЦРУ по вооружению и военной поддержке так называемой умеренной оппозиции Сирии, противостоящей правительственной армии. По утверждению The Washington Post, постепенное сворачивание программы отражает заинтересованность Трампа в поиске способов работы с Россией, которая рассматривала антиасадовскую программу как атаку на ее интересы

ные. И копить потенциал, чтобы когда-то заложить весомые основы для сотрудничества с Америкой, так как мы друг для друга данность.

Не нужно с ходу отвергать предложения Тиллерсона, постараемся их приспособить к себе. Потому что самое важное, что нужно сделать сейчас, – не провоцировать конфликты всё дальше и дальше, приспустить всё же удила. У Трампа пока его политика плохо получается – надо ему помочь, а не провоцировать. Главное в этот период конфронтации – не допустить необратимых действий. А там – при нашей мудрости и с Божьей помощью – всё уляжется. Возникнет модель сосуществования. Да, мы, может быть, хотим более содержательных, осмысленных отношений, Америка для нас остается «значимым другим». Но надо понять, что дружбы не

будет. Америка не будет нас понимать и ценить. Но насильно мил не будешь. Мы хотели независимости в политике? Мы при Трампе можем ее сполна достичь. И уже наше дело, как ей распорядиться.

Договоренности между Путиным и Трампом: пока войны не будет

Это общий фон. Теперь о договоренностях. Их две или три. Первая касается создания рабочей группы по кибербезопасности, вторая – по перемирию в Сирии, а третья – может быть, по Украине.

С первой уже всё ясно, Трамп «передумал». «Перед лицом тотальной оппозиции совместной группе по кибербезопасности Трамп дал задний ход. Действует под огромным прессингом. Не его вина, а беда», – написал российский сенатор Алексей Пушков в своем микроблоге. →

Европа, которая должна стать нашим союзником в борьбе с распространением постхристианской идеологии, – это та Европа, которая исторически нам наиболее враждебна. И даже против общего врага мы не объединимся. Удача, если мы сможем сотрудничать в этом с американским президентом, а он сыграет роль связующего звена. Как христианин он себя до сих пор не позиционировал

→ Соглашение по Сирии, похоже, более объемное и глубокое, чем просто заявленное перемирие. Оно, по всей видимости, включает не только прекращение военных действий, но и разграничение Сирии на зоны безопасности (вероятно, даже так, как они определены в ходе переговоров в Астане), признание присутствия в Сирии российских войск, в том числе и военной полиции в зонах перемирия, сотрудничество между Россией и США на протяжении всего периода сирийского урегулирования. Америка при этом отказывается от идеи смещения Асада. Возможно, США стремятся вообще покинуть Сирию, поскольку вскоре после встречи Путина и Трампа последний решил закрыть программу ЦРУ по вооружению и военной поддержке так называемой умеренной оппозиции Сирии, противостоящей правительственной армии. По утвержде-

нию The Washington Post, постепенное сворачивание программы отражает заинтересованность Трампа в поиске способов работы с Россией, которая рассматривала антиасадовскую программу как атаку на ее интересы. Газета полагает, что такое решение Трампа является подтверждением того, что Белый дом ограничивает использование своих рычагов и отказывается от желания устранить Асада от власти. The Washington Post выражает свое недовольство решением Трампа, который, как считает газета, тем самым пошел на уступки России. «Это решение имеет важное значение. Путин победил в Сирии», – цитирует газета одного из представителей администрации.

Это очень важное достижение. В июне казалось, что ситуация уже пошла вразнос. Судите сами. В середине июня американцы сбивают сирийской самолет – рос-

сияне обещают впредь брать на прицел каждый американский летающий объект – американцы боятся нарушить границу по Евфрату, беспеллационно определенную им русскими, но грозятся принять какие-то таинственные ответные меры. В Вашингтоне одновременно намереваются смягчить – а то и вовсе замотать до наступления каникул – новый пакет санкций против России, которые намерен принять американский Конгресс. И вдруг – тут же, через несколько часов – Белый дом сам провозглашает принятие дополнительных санкций, правда, не слишком радикальных и не меняющих сути проблемы. Россия реагирует очень резко – прерывает дипломатические консультации, начатые в результате апрельских договоренностей между Лавровым и Тиллерсоном. Стороны обмениваются заявлениями, что к встрече на высшем уровне 7-8 июля в Гамбурге и не думают готовиться.

Кажется, что остается только молиться, потому что порой возникает сомнение в благоразумии сторон. Ни русские, ни американцы очевидно не боятся открытого столкновения. И если Тиллерсон заявил походя, что дело к столкновению в Сирии не идет, то скорее всего только для того, чтобы успокоить другие страны, которые, как он рассказывал, хором просят его наладить отношения с Россией, поскольку они ощущают опасность, проистекающую из нынешних американо-российских отношений. А сами эти две державы, казалось, закусили удила. И то правда! России отступать некуда, она борется за сам свой статус самостоятельной страны, а Америку, как будто не имеющую твердого рулевого, ветер швыряет из стороны в сторону.

Вопрос о Сирии, где могли столкнуться в небе российские и американские самолеты, – это был вопрос о большой войне. И вот эта опасность на сегодняшний день, кажется, устранена.

Сотрудничество России и Америки в Сирии не означает установку на содержательное сотрудничество вообще. Трамп выходит из непринципиального для него кон-

фликта, который ему мешает и который становится всё более опасным. Он просто сбрасывает наследие предыдущего президентства ради того, чтобы Америка смогла заняться собой, ради своего изоляционизма.

Но опасное поле между Россией и Америкой еще осталось – это Украина. Тем более, что Пентагон в середине июля заявил о грядущих поставках на Украину летального оборонительного оружия. Само решение, по сообщению Пентагона, уже вопроса не вызывает, обсуждаются-де только конкретные детали: что именно и в каких количествах будет поставляться. Неизвестно, как к этому относится Трамп. На перспективу поставок летального оружия, которые тогда тоже лоббировали Пентагон и Сенат с Конгрессом, в свое время очень негативно реагировал Обама и блокировал их. Сможет ли блокировать и Трамп?

По Украине, по словам Сергея Лаврова, было «условлено создать канал между представителем РФ и американским представителем для того, чтобы использовать эту возможность для продвижения урегулирования на основе Минских договоренностей с учетом потенциала контактной группы и нормандского формата». После встречи Путина с Трампом было объявлено, что последний назначит спецпосланника по Украине, который, поработав на Украине, придет для обсуждения проблем в Москву. То есть всё-таки Америка непосредственно, помимо формата «Нормандской четверки», вмешается в разрешение украинского конфликта. Больше ни о каких договоренностях не сообщалось. Известно, что спецпосланником назначен бывший американский постоянный представитель при НАТО, бывший аналитик ЦРУ Курт Волкер, которого называют лоббистом Украины. Волкер уже сделал жесткое заявление в адрес России, что с ней надо, дескать, действовать решительно, рассчитывая на то, что она испугается. Но по сути – независимо от собственных взглядов – Волкер будет действовать так, как ему укажет его президент. А тому должно быть ясно, что когда речь

Замкнуться в своем мире у нас уже и не получится, Америка постоянно будет нас провоцировать, борясь с нами как с одним из проявлений мирового зла. Поскольку, если мы не откроем себя в качестве сотрудников, мы будем ошибочно восприняемы как враги традиционных европейских ценностей

идет о независимости России, она не пугается. Ясно ли? Есть мнение, что последние действия по Украине и Донбассу, в том числе проект украинизации конфликта (проект Малороссии), стали следстви-

ем некоего секретно плана двух президентов.

Вряд ли это так. Слишком сложная многоходовка получается. Она уже пахнет совместной внешнеполитической игрой. →

→ А вот ее-то как раз у России с Америкой нет. Надо полагать, если бы Трамп не боялся своих политических критиков внутри страны, то он пошел бы на уступки Путину и на Украине – просто чтобы избавиться от еще одного конфликта. И больше не обращать на Россию внимания. Думаю, это и имел в виду Путин, когда сказал по итогам переговоров с Трампом, что у него сложилось впечатление, что Россия «хотя бы частично» сможет установить с США такие отношения, какие ей нужны. Кроме того, российский президент посчитал, что «личные взаимоотношения» между ним и его американским коллегой «установлены». И добавил: «Не знаю, как это прозвучит, но скажу так, как я это вижу: Трамп телевизионный очень сильно отличается от реального человека».

Итак, Трамп – изоляционист и хочет свести свою вовлеченность во внешнюю политику к минимуму, чтобы сосредоточиться на экономическом развитии Америки и реформах ее внутренней жизни. Так и только так, если рассматривать встречу Путина и Трампа вне варшавской речи последнего. Поскольку эта речь задает определенные внешнеполитические ценности, которые Трамп может попытаться воплотить в практической политике.

Путин–Трамп. Вариант второй: взаимодействие на основе ценностей

Неясно, является ли варшавская речь Трампа программной. Очень вероятно, что нет. Вероятно, Трампу просто захотелось от души высказаться. Ведь в избирательной программе Трампа не было и намека на активную внешнюю политику. Но нам нужно суметь рассмотреть и вариант, где активная, основанная на ценностях внешняя политика Трампа возможна. Хотя бы потому, что

либералы достали Трампа и он решил дать им бой.

Ситуация эта для России – сложная. В случае опоры Трампа на ценности могут растаять надежды, что Америка отступится в

Ни мы, ни Китай не созданы для того, чтобы играть в команде. Поэтому экзальтированные отношения к Китаю неуместны, приписывание ему онтологического статуса в нашей политической картине мира – фатальная ошибка. По отношению к нему необходимы строгое соблюдение внешнеполитической субъектности, ощущение собственной ценности как державы, безэмоциональность и даже хладнокровие

украинском вопросе. В этом случае она стала бы действовать с оглядкой на Польшу как своего, может быть, главного союзника. Да и вообще России предстоит разуверить Трампа в том, что она наряду с либералами и мусульманским миром представляет опасность для европейской цивилизации. Нам, скажем, очевидно, что это не так, но Трампу надо это доказать. Возможно, он поймет, но не сразу. Полякам же мы этого никогда не докажем, и не стоит пытаться. Продолжим защищать

свою позицию по Украине и Донбассу, не ожидая понимания на мировой арене, и между делом входить в конфронтации с поляками, поскольку те порой агрессивны. Но при этом надо искать способ сотрудничать в борьбе за те ценности, которые у нас общие. Потому что против них весь либеральный мир.

Трагедия здесь в том, что Европа, которая должна стать нашим союзником в борьбе с распространением постхристианской идеологии, – это та Европа, которая исторически нам наиболее враждебна. И даже против общего врага мы не объединимся. Удача, если мы сможем сотрудничать в этом с американским президен-

том, а он сыграет роль связующего звена. Как христианин он себя до сих пор не позиционировал. Но он, похоже, человек доброй воли, и нам с ним может быть по пути. Выбрал для опоры он тех, кто лежал на поверхности, – польских католиков, которые подвергаются в Европе таким же гонениям, каким он сам в Америке. Именно польских, поскольку в Ватикане сильно гомосексуальное лобби и папа Франциск порой делает двусмысленные заявления, которые не приветствуются в Польше. В Польше сильны католические фундаменталисты.

Сотрудничество с Америкой Трампа может проистекать на фоне борьбы наших политических интересов против активной в этом случае американской внешней политики. Тогда Америка уже не скинет просто все конфликтные внешнеполитические ситуации как мешающий груз, она будет иметь положительную программу их разрешения, которая также будет требовать активной программы и от нас. Борьба за свои интересы и при этом постоянно напряженно взаимодействовать с Америкой. И в Сирии, в борьбе с исламским фундаментализмом, и в Европе, в борьбе с

либеральным фундаментализмом. Да, либерализм превратился уже в фундаментализм – агрессивный и подавляющий всё живое.

Возможен ли вариант, когда Трамп вознамерится вести активную внешнюю политику, а мы пожелаем замкнуться в себе, отстаивать только свои непосредственные политические интересы? Во-первых, избегая такого сотрудничества, мы откажемся от осмысления своей внешней политики, от того, что Случай – который, как известно, является псевдонимом Бога – посылает нам как реальную политическую миссию. А во-вторых, замкнуться в своем мире у нас уже и не получится, Америка постоянно будет нас провоцировать, борясь с нами как с одним из проявлений мирового зла. Поскольку, если мы не откроем себя в качестве сотрудников, мы будем ошибочно восприниматься как враги традиционных европейских ценностей. Трамп не будет читать Достоевского о том, что русские – последние европейцы, он будет слушать польских католиков, для которых мы извечные соперники.

Вот так, балансируя на грани сотрудничества-соперничества, мы должны будем вести свою внешнюю политику – не по накатанной, а осмысливая каждый свой шаг, соизмеряя его с реальными условиями и реакциями тех сил, с которыми мы сочтем нужным сотрудничать. Инициативу мы уже проявляли и проявляем, поддерживая, например, на выборах во Франции Ле Пен, пусть пока и проигравшую, или другие национально ориентированные силы в остальных европейских странах.

России близка яркая, пестрая, разнообразная Европа, Европа традиционных национальных культур, которую мы всегда соотносили с собой, которая была для нас «значимым другим», к культуре которой мы всегда апеллировали и которую уничтожает, нивелирует, искажает либеральный европейский проект.

Пути на Восток нет

Перед саммитом «двадцатки» Владимир Путин укрепил свою позицию в глазах мира удачными переговорами с китайским лиде-

ром Си Цзиньпином. Но о повороте России на Восток уже речь не идет. Не только потому, что Китай осторожничает в слишком тесном сближении с Россией. Но и потому, что это по сути своей не наш путь.

Основное, что нас связывает с Китаем, – это стремление к независимости и самобытности, проведению ярко индивидуальной внешней политики. Но это же и разделяет, ибо ни мы, ни они не поступимся ради друг друга и долей своей самостоятельности. Ни мы, ни Китай не созданы для того, чтобы играть в команде. Поэтому экзальтированные отношения к Китаю неуместны, приписывание ему онтологического статуса в нашей политической картине мира – фатальная ошибка. По отношению к нему необходимы строгое соблюдение внешнеполитической субъектности, ощущение собственной ценности как державы, безэмоциональность и даже хладнокровие. Перенесение образа защитника на Китай очень опасно, образ друга в восточном партнерстве проблематичен. Дружба идет из западной ментальности. Идеологема нашего защитника к Востоку неприменима, она тут для нас оксюморон, как это ни печально может показаться некоторым. Поэтому иные нынешние тенденции в российской политике и тем более в массовом сознании настораживают.

Это – перенесение на восточную арену образов западной политической мифологии. Сюда же относится представление о неких ценностных пересечениях, необходимых для дружбы. С Востоком их нет, ибо наши страны – непересекающиеся культурно-религиозные миры и всегда останутся друг другу чужеродными. Довольно того, что на внешнеполитической арене наши ментальные системы имеют преломление в чем-то схожее и дающее возможность взаимодействовать. Это западную цивилизацию мы переживаем как свою, любим и ненавидим, видим ее взлеты и падения, кожей ощущаем ее нынешнюю извращенность. На Востоке мы имеем дело с чужим, с которым нам нет нужды соприкасаться.

Обращаясь всерьез к восточно-

му партнерству, мы должны тщательно продумать внешнеполитический образ себя, понять модели коммуникации, новые для нас, бывшие неактуальными, когда мы взаимодействовали с Западом. А более правильно было бы найти в себе и взрастить внутренние альтернативы, которые отвечают восточному партнерству и которые впоследствии могут оказаться плодотворными и при западном партнерстве, к которому мы, несомненно, вернемся. Из всего надо извлекать урок.

Да, этот урок должен быть приложен к возрожденному западному партнерству. Потому что сколь бы прочное партнерство мы ни установили на Востоке, мы будем эмоционально всегда соотносить себя с Западом и тосковать по союзничеству с ним. Запад является для нас референтной группой, «значимым другим».

Не получилось романа с Китаем – вышло только прагматичное сотрудничество. И слава богу! Но вот мы снова остались один на один с Западом. Но прежнего Запада больше нет, его заменяет либеральный проект. И, возможно, наша задача помочь ему не скатиться в бездну антихристовой нивелирующей и содомитской цивилизации. Тем более, если Америка Трампа тут будет на нашей стороне.

Мы должны почувствовать особость своей православной цивилизации. И это откорректирует нашу позицию по отношению к Западу. Сделает ее более точной и адекватной, более отстраненной и менее страстной. Заставит лучше осознавать себя и свою идентичность. Но мы будем бороться против античеловеческого либерального европейского проекта вместе с людьми доброй воли в Европе и Америке.

А с Меркель, хотя бы она и была умелым политиком, да с Макроном, хотя бы у него и были светлые идеи, нам строить серьезные отношения бессмысленно. У нас нет ценностных пересечений. Они с нами холодны и строги – ну да и ладно. Нам с ними не по дороге. И прошедшая встреча «двадцатки» это еще раз показала. Традиционная Европа и традиционная Америка нам ближе. **Ф**